

Лит. газета. - 1995. - 25 окт. - с.3.

Война и мир Астафьевых

М. и В. Астафьевы
во время Дней "Литературной газеты" в Болгарии.
Собия. 1986 г.

КОГДА мы вернулись в Станиславчик, в соседней части, на "сортире", уже многих девушек, работавших на разборке почты, не оказалось, заменили их солдаты, комиссариаты после госпиталей в нестройную часть.

Однажды привез мешки с письмами веселый солдатик, однако на груди его хорошо смотрелась медаль "За отвагу" — очень редкая в ту пору награда, и орден Красной Звезды! Да еще гвардейский значок с отбитой в нижнем углу эмалью. Боевой солдатик — сразу видно! Сказал: "Здорово ночевали! — расмеялся широко, безобудно, веснушки по лицу разбегались. — Теперь я, Виктор Астафьев, ваш покорный слуга, не в полном, конечно, смысле, просто буду возить-привозить. А вы меня ждите. Не нетерпением!" — весело пошутил, изобразил что-то надобное "честь имею" — и удалился.

Как-то раз с подругой возвращаясь с работы, дошли мы до моей хаты, и я ей сообщила, что сегодня получила из родной библиотеки посылку с книгами. И тут мы слышим: кто-то шлепает по грязной перележке и весело насвистывает. Услышав разговор о книгах, Астафьев приостановился, пораспрашивал, что за книги, с сожалением признался, что сегодня зайти не может.

Когда он опять привез мешки с письмами, спро-

**"Счастлив тот,
кто счастлив у себя дома"**
Л.ТОЛСТОЙ

сил, серьезно ли я говорила насчет полученной посылки с книгами и, если так, то он вечером зашел бы посмотреть.

Мы стали встречаться чаще, и теперь уж не всегда поводом были только книги.

В тот день Витя подошел, какой-то необычный, неулыбчивый, отозвал меня в сторону, помялся, покачал носком сапога камешек и говорит: "Не сегодня завтра демобилизуют, и указ, списки уже пришли". Еще поминал камешек, чуть отвернувшись, как бы прищурился на солнце и сказал: "Мне теперь уж трудно представить жизнь без тебя!".

У девочек ушки на макушке — все расслышали и все сами тут же и решили:
— Мама! Виктор! Счастливы вам! Молодцы! С законным браком!

Утром мы, как именинники, я во всяком случае, как именинница, только очень смущенная, направлялись в ЗАГС — за Прошлюбом — за свидетельством о браке. ЗАГС располагался в центре села в двухэтажном деревянном доме: внизу — столовая, на втором этаже — контора, именуемая ЗАГСом. Наши как раз направлялись в столовую, завидев нас, окружили: "Вы это куда?" Мы поднимаемся по скрипящей лестнице вверх, все наши — за нами, как свидетели. Заведующая ЗАГСом взмолилась: пол проломите! Куда вас столько набралось?!
— Нам довольно быстро выписали Прошлюб. Вите сделали запись в красноармейской книжке, мне — в личном удостоверении: "Вступила в законный брак с Астафьевым Виктором Петровичем 26 октября 1945 года". Перед тем как заполнить графу "Прозвище после шлюбу" (фамилия после заключения брака), я чуть помедлила, переждала мгновенное напряжение-ожидание: что скажет Витя — отныне мой муж. И он сказал: "У нее своя фамилия есть!" И тогда я подтвердила: "Да, есть. Я — Корякина Мария Семеновна".

Завтра утром мы поедем в Винницу, в управление, где нас окончательно демобилизуют, дадут литературные билеты до Москвы на поезд — дальше не положено, дальше на свои собственные, которые нам сейчас отчитают. В столовой выдудят на неделю сухой паек — и скатерть дорога!

В Станиславчик вернулись довольно быстро. Витя успел где-то черешни раздобыть, вроде даже вишни, а не черешни — осень же! Пока ехали в кузове попутной машины, он то и дело подсовывал мне свою полевую сумку, чтоб угостилась ягодами.

Вышли. Поезд. Поразмышляли всяк про себя, всяк о своем. Витя спросил, все ли у меня собрано? "Конечно! У меня и всего-то ничего: бельишко, вещички самые необходимые, документы и деньги — по карманам гимнастерки, шапку на голову, шинель на себя..."

Прибыл поезд, идущий до Киева. Витины друзья-товарищи смекалистыми оказались: один подтянулся на поручнях к туалетному окну, изловчился, лнул по стеклу, оно дзиньнуло. Тут солдатик протянул руку за чемоданом, чтоб доблестно дыру в стекле сделать, ткнул его в туалет, затем, оказавшись уже в туалете, подхватил меня, вышедшую, потом быстро открыл вагонную дверь — Витя прыгнул, а парень махом, минуя вагонные ступеньки, оказался уже на платформе возле вагона. Ребята прокричали, мол, закройте, отсидитесь, а дальше утрясается и устроится получше.

Они долго бежали за поездом, махали руками, кричали что-то прощальное. Я привстала на цыпочки и ухватилась за ручку, предназначенную для дру-

"Жизнь прожить — не поле перейти"? А если поле то — минное, длиною в полвека? 50 лет идут рядом по минному полю жизни двое. Он — Виктор Петрович Астафьев. Она — Мария Семеновна Корякина, тоже фронтоник (девчонкой добровольно ушла на войну) и тоже прозаик (ее повести и рассказы выходили в Вологде, Красноярске, Москве), о чем многие, наверное, и не ведают, когда ее представляют как жену известного во весь мир писателя, а она по скромности, естественно, об этом умалчивает.

В интервью на вопрос о его главном послевоенном достижении В.П.Астафьев так ответил: "Самое большое достижение — это пятьдесят лет нашей с Марьей Семеновной семейной жизни.

гой надобности. Витя от окна не отходил. Я не помнила ни о себе, ни о том, чтоб не порезаться об осколок стекла, затем подложив под мешок совок и веник, села в углу у двери, для Вити оставила свой чемодан, положив его на очко вместо крышки... Очко то почти проваливалось, так было уже разрушено, того и гляди, вовсе провалится, и лишь пропало, но чемодан мой хоть и невелик, но удержится над полом, не должен провалиться вослед за туалетным расхлябанным сиденьем.

Я иногда приподнималась, вставала на цыпочки и глядела прощально на все мелькающее за окном. Слезы начинали бежать у ручейками по моему лицу, у отходила от проема окна, в которое из-за выбитого стекла порывисты, иногда с посвистом дул ветер.

На станциях, где наш паровоз останавливался

В день свадьбы золотой

*Полвека, Виктор дорогой!
Хоть в октябрь траве попка,
но над сибирской рекой
какая музыка возилась!*

*Рождённая самой судьбой...
В ней боль и смех пережились,
она слышала лишь нас с тобой,
лишь тем, кто с той поры остался.*

*Полвека — это только час.
Ты про זאת держи вторые...
Да будет всё как в первый раз!
Да осенит тебя Мария!*

Булат ОКУДЖАВА

или только притормаживал, творилось неообразимое: плач, мат, рев, затевались драки, разносились раздирающие крики о помощи, военные при оружии, которые палили вверх — утихомирить, остепенить, хоть какой-то навести порядок или в чем-то попытаться убедить обезумевших людей, в большинстве своем уцелевших, израненных победителей, возвращающихся по домам...

На какой-то, видать, узловой станции паровоз должен был набрать воды, и тут уж началось такое столпотворение, что и представить трудно... Господи! Только бы не уронили паровоз наш, вагон наш... только бы не уронили!

Очнувшись от раздумий, ужасшись в углу, когда кто-то или что-то рухнуло на унитаз, и чемоданчик мой легко слетел с него, ударив меня по коленкам. Витя мой, помогая, втаскивал в окно солдата с костылями: прежде закинул костыли, затем, напрягая силы, втащил раненого мужика. Тот плюхнулся через унитаз, на мешок — удачно

вышло. Повезло тебе, бедный солдатик, что так вышло, а ведь могло быть и хуже: унитаз вдребезги, твои ребра, голова или остатная нога тоже пострадали бы... Живой, и слава Богу! Хватит с тебя и того, что ноги лишился.

А Витя, уж не знаю, каким сверхусилием втаскивал в тесный туалет, в выбитое окно еще и женщину, оказавшуюся женой раненого солдата, — может, специально в госпиталь за ним ездил?..

В туалете — не повернуться, не шевельнуться, ведь площадь-то метр квадратный! А нас уж четверо, да пожитки... Да хорошо, что Витя мой помог людям, втащил их в это крохотное заведение.

Представление о времени утратилось, казалось, однако, что мы едем уже двое суток, может, и больше. Мы не без труда выбрались из туалета, хотя тут нам помогли сами пассажиры: наведаться в это заведение не терпелось многим, и потому, толкаясь, переругиваясь беззлобно, люди расступались, как могли, и мы, как могли, пробрались по вагону, медленно, но упорно, иногда мои ноги даже и пола не касались, однако движение не приостанавливалось...

Наконец мне удалось примоститься с краешку на нижней полке, на которой и так как сельдей в бочке. Одной половинкой зада я присела, не успевала момента, когда вагон подбрасывало, качало ли сильно — и получалась само собой как бы "утруска", и я в результате, потеснив соседок, уселась уже нормально и какое-то время еще и не верила в такое счастье. Потом заметила, как муж мой, мучительно морщась, переставлял или втаскивал из табора вещей ломаную в детстве ногу и втискивал на ее место другую, здоровую, хотя и ей, бедной, усталой, измученной ноге, тоже хотелось отдыха... Мне удалось, не скоро, правда, но поменяться с ним местами, он сел, а я даже смотреть не решаюсь, как он приходит в себя, жжет, когда отойдет отместка, болевая нога...

В Киев поезд наш пришел поздней ночью, а может, уж и на утро. Народу вокруг полуцелевского вокзала так много, будто со всей страны, со всех фронтов и сторон именно в это время сюда вот взяли и пришли, приехали, прикатили.

В Киеве мы вынуждены пробыли, промаялись больше суток, наверное, двое. Витя то делал выходил из вокзала, возвращался безутешный, озабоченный, сердитый. Однажды же пришел и тихо сообщил, что договорился тут с мужиками-железнодорожниками — пообещали взять до Дарницы, к сожалению, только на тендере, на угле, значит... Я не решилась заранее радоваться, да и поверить, что

М. и В. Астафьевы с детьми — Ириной и Андреем. Гор. Чусовая Пермской области. 1956 г.

Виктор Петрович получил два приглашения в зарубежные поездки: в Швейцарию и на теплоходе — в Италию, Турцию, Грецию и Израиль. Я за него буду рада, если он будет способен на поездки, чтоб потом послушаться — "что за чудо есть на свете?".

А у меня, если выберется время да позволит здоровье, я "досылом" еще кое-что написала бы. Пока же запустила не только домашние дела, но, к большому сожалению, затянула дело с перепечаткой второй книги романа о войне — "Плещадар".

Внук Витя закончил 11 классов и поступил в техникум на факультет "Финансы и право". Полника нынче "прыгнет" из третьего класса в пятый! Будет ли из этого толк. В октябре этого года, если доживем, сравняется 48 лет нашей супружеской жизни с Виктором Петровичем.

Я пока и не представляю, что получилось у меня за повествование — у меня не было времени ни остановиться, ни оглянуться, даже подумать — только на большом напряжении работала моя память да дневники, иногда с большими перерывами.

Совсем недавно, когда у Виктора Петровича выдвинулся "промежуточный" день — делал очередной заход на рукописи второй книги романа, — он принялся разбирать, просматривать залежавшиеся записные книжки, которые "вел" время от времени. Я нашел наброски "затесей" и несколько исписанных разных листов и вот принес мне — я работала на машинке, — мол, посмотри при случае... Я, конечно же, прочитала их. Прочитала и удивилась: будто ему уже известно, что я работала над рукописью своей книги, работая "тайно", чтоб подарить ему в его приближающийся юбилей, попользуясь книгой, названной "Знаки жизни" — это повествование о нашей, прожитой с ним жизни.

Перечитала ту часть рукописи, готовясь к рецензии, где речь ведется о жизни-бытии нашем в Сибири, и даже подумывала — не включить ли их вставки в текст, но поскольку книга состоит из трех частей, периодов нашей жизни: "Урал", "Вологда", "Сибирь", значит, и быть этим "наброскам" в "Сибири".

Вот одна из заметок: "Странная жизнь, — пишет Виктор Петрович, — удар осколком меня правее на палец или бить на излете — и меня не стало бы. И мое место на земле исчезло бы, и не было бы моих детей и внуков, жена моя была бы не моей женой, и все было бы не мое... стрелби бы в кучу с другими убиенными солдатами... даже затопили то место, где я был ранен за Днепром, а люди как-то не понимают этого, люди думают, что их это не может коснуться, да и то — привыкли: мертвых на земле было больше, чем живых..."

Вторая заметка: "А мне и моей жене никакая партия и правительство ребенка не вернут (это о нашей первой дочке, прожившей на свете полгода — уморили голодом, — я об этом подробно написала в "Урале" — первой части книги). И я не продал и не прошу это ни нашим вождям, ни тем,

хоть что-то удачи и мы помаленьку все-таки станем двигаться к Москве... Посмотрела на него уж и не знаю с какой благодарностью и удивлением: до чего же он сообразительный!

Забрались мы в тендер, расположились на угле — я наподобе норки себе что-то изобразила, чтоб никто не увидел. "Железнодорожники, — сказал Витя, — строго насчет этого предупредили". Сам Витя тоже как-то прикрикнул и вроде замер.

Поезд тронулся... Всюду сразу что-то зальзало, загрохотало, угольная пыль, сажа завихрились... Не заметили, как оказались в Дарнице. Слезли с тамбура, поглядели друг на дружку и только что не упали — какие мы красавцы! Черномышья сделали за эту короткую дорогу! Направились к водочке, как когда-то в польском городишке — к озеру... Слава Богу, тут ни черепов, ни костей, вода чистая, холодная. Умылись, пообчистились, привели себя в порядок. И снова нам предстояло решать задачу со многими неизвестными: как действовать дальше? Витя мой снова то уходил, то возвращался, то добрый, то злой, через силу говоривший, уставший, измотавшийся.

Он даже, как оказалось, уж и отношения выяснять с кем-то связывался, и матерился, и доказывал... А кому что докажешь? Однако офицер-патрульный, контузанный, который подходил к нам документы проверять, когда мы коротали время на старой лавке под каким-то широко растущим деревом, поклав голову, ничего не пообещав, вдруг в темноту уж пору послал за нами молоденького рядового с приказанием явиться к нему. Может, не совсем точно запомнила, как все было, но в ночное время тихо, затаяв дыхание, мы полезли в полупустой вагон прикрытия — между паровозом и пассажирским составом — это на случай, если поезд резко затормозит: вагон прикрытия может быть и раздавлен, зато едущие в вагонах первого класса важные люди могут даже и не понять, что произошло.

Витя мне тихонько, почти шепотом, рассказал, что все это значит, но если и повесть, то мы таким образом доберемся до Москвы... Я плохую во все выникала, я хотела одного: поскорее бы, пусть хоть как, хоть на чем добраться до Москвы — и прямым ходом домой.

ИЗ КНИГИ М. КОРЯКИНОЙ-АСТАФЬЕВОЙ "ЗНАКИ ЖИЗНИ"

ЛЕТО прошло мимо меня: занималась технической подготовкой собрания сочинений Виктора Петровича в 14 томах! А до этого дважды, может, если выборочно, то и больше перепечатывала рукописи первой книги романа "Прокляты и убиты". Виктор Петрович долго готовился, долго и многотрудно писал эту книгу, а я, наверное, не менее трудно и изнурительно долго ее, рукописи, перепечатывала, и, что редко случалось, — в этот раз я устала от текста. Мне не все в "Чертовой яме" — так названа первая книга романа — нравится, особенно, что в ней много мата, а я не люблю, когда и сам Виктор Петрович в разговоре употребляет подобное, а тут сплошь да рядом. И конечно же, сказала ему об этом, сказала, что он так великодушно пользуется словом, так богат и емко русский язык, что никакая мат не выразит мысль, состояние или действие сильнее, чем слово, которое он, бывает, доводит до звона — делает текст, какого вроде бы и в природе не бывает, а у него бывает и эта значительность слова, то ли в сочетании с другим, то ли в таком случае или "к месту", когда большинству писателей и страниц не хватает описать или передать то, что он "вместит" в это союзице. Сказал, мол, тут без этого не обойтись...

Только я закончила перепечатку рукописи романа, Виктор Петрович сообщил, что через три дня приезжает редактор и тебе, мол, надо будет вместе с нею подбирать книги, сборники — все, что издавалось и публиковалось за все годы моей творческой работы.

Я, как говорится, с утра пораньше и до глубокой ночи в оставшиеся эти три дня шарила по полкам и стеллажам, таская за собой стремянку, выби-

рала книги и раскладывала их на раздвинутом столе по годам, на подоконнике, на креслах, на диванах — всюду, затем выбирала и так же, в хронологическом порядке размещала сборники, журналы не только с публикациями художественных произведений, но и публицистики, и драматургии, и стихи, и переводы (переводил авторов других народов, много переводил болгарских писателей).

Приехала редакторша, увидела "наличие" и акнула, как в свое время, когда отмечали 50-летний юбилей Виктора Петровича, и в Вологде, в библиотеке им.Батюшкова, была в одном зале организованная выставка книг, журналов, сборников — он ажнул и сказал: "Господи! Сколько я бумаги-то извел!"

Так и редактриса. Сказала, что представляла себе, какая предстоит работа, но вроде не в таком все-таки объеме. Но есть как есть. А Собрание сочинений предполагает быть изданным по классическому образцу, то есть с самого первого издания и всеми последующими, дополненными, прописанными, измененными, включая "сокращения" цензурного порядка.

Мы с нею, очень опытной и все понимающей, сидели с шести утра и до глубокой ночи почти десять дней, это при том, что она профессионально быстро читает и творчество Виктора Петровича знает, как никакая другая редактор, — она и 6-томное собрание сочинений его ведет.

Проводил редакторшу в Москву, принялась "рвать по живому" нужные книги, да каждую в двух экземплярах, в общей сложности, наверное, штук 240, если не больше. "Разобрала" я те книги и принялась делать раскладки.

И клеила, и клеила, и клеила, чаще занималась этим в полуночные часы, когда не надо подбегать к телефону, открывать кому-то дверь, кормить, варить, стирать, убирать, значит, за счет сна, и работала очень и апряжно. Едва вместила в 28 папок!

Но ведь и это не все. Виктор Петрович написал вступление "Подводя итоги", это 180 страниц, это перепечатка, затем ему работа над текстом, затем еще работа, еще перепечатка, еще перепечатка... Шутка ли: это результат его творческой работы за 40 лет!

...Снова пришлось ложиться под капельницу — не

стала с этим делом тянуть дальше, — подлечусь и, надеюсь, буду приговорена жить дальше...

Подбираю сборники стихов, складываю к изголовью у кровати на стол и буду почитывать на сон грядущий.

...Я никогда не считала, что все люди только хорошие или только плохие. Если для себя, то знаю: хороших людей больше, иначе как же жить-то, то есть не только есть, пить, ругаться, любить, мыть, стирать — это держит в упряжке, если можно так выразиться, чтоб до конца не впасть в отчаяние, либо умиляться жизнью. Другое дело, что ни того, ни другого миновать нельзя. А тут однажды Виктор Петрович читает мне вслух письмо, которое получил от местной молодой бабы, мол, я дама, но спокойная, в семью не лезу — это ей не терпится общаться с Виктором Петровичем, и вот она спрашивает у него на это согласия и приблизительно бы знать время, где лучше встретиться, мол, лишний раз звонить — боюсь МарСем: она так сурово говорит по телефону, что я ее боюсь...

— Витенька! Ты зачем мне это читал! Чтоб повеселить или чтоб "дать согласие"?

Разоврал, бросил в корзину, ушел, а я так ничего и не поняла, то есть единственно поняла, что я не зверь, не мегера, иначе бы три дня назад — был такой день — я не услышала столько хороших, милых, искренних и нежных слов! За один только день — и все дула: ничего, если так можно, и терпеть можно, пока есть силы.

...Вечером слушали по ТВ прекрасную музыку — виртуозы Москвы во главе со Спиваковым. Так играли! Но потом заговорили политики, наши и не наши, чего-то дали, поучают. И нам так грустно сделалось, и Виктор Петрович сказал: "Ведь музыка, как и растения, принадлежит всему миру, всему человечеству, а не одному государству, не одной территории, не одной личности. Музыка и природа — самые демократичные из всего того, что есть на свете..."

А мне опять подумалось: "Боже мой! Чего только нет в этой сейдой голубушке?! И как ему трудно. Все, о чем он пишет, мыслит, говорит, — естественно, только не надо быть глупым и равнодушным ко всем и ко всему... Дал бы Господь здоровья да крепости духа — для жизни и работы, и для нас, так его любящих..."

Не успели оглянуться, а завтра летний, самый желанный день еще потопчется на месте и незаметно, однако, не мешкая, пойдет на убыль. Эта неизбежность печалит меня очень, особенно теперь, когда жизнь сделалась вовсе скоротечной. А я все еще собираюсь пожить со своею душою на "ВЫ"...

О том, как жили-были мы с Виктором Петровичем многие годы, я написала, что будет дальше, поживем — увидим... Мне грустно расставаться с этим делом, отчасти потому, что все, о чем писала, — уже в прошлом. Мне снова захотелось, как в предновогоднюю ночь, думать лучше о людях, ну и о себе тоже.

Днями приезжает в гости сын Андрей с внуком Женей. Переживем уж в который раз глубокою печаль — 6 лет сравняется, как нет с нами и со своими милыми детьми нашей дочери Ирины. Затем — мой день рождения, вроде бы и порадоваться нечему, но дал Господь мне такую большую жизнь, и как мне ЕГО за это не благодарить и как не попросить, чтоб ОН даровал еще жизни — это уж ради и для внуков, значит, и сил, и крепости духа сколько возможно,

Рекламное агентство «ПРЕСС-ИНВЕСТ» предоставляет возможность разместить вашу рекламу в специальных выпусках "Литературной газеты" для Европы и Северной Америки, а также для Израиля.

«ЛТ» преодолевая границы

Расценки заслуживают вашего внимания.

Справки по телефону: (095) 208-9646, 208-8500.
Факс: (095) 208-6319.